

УДК [94+321(091)] (476+47+57):930.1

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Смехович Николай Владимирович

заведующий Центром новой и новейшей истории Беларуси государственного научного учреждения «Институт истории НАН Беларуси»; кандидат исторических наук, доцент

Ключевой задачей белорусской историографии является выработка научной концепции истории советского, в том числе белорусского советского государства. «Ахиллесовой пятой» либеральной концепции тоталитаризма является и ее идеологическая ангажированность и ненаучность. Автор предлагает тезисные положения научной концепции истории белорусского советского государства.

В жизни современного общества взгляд человека на прошлое своего Отечества – проблема фундаментально-мировоззренческая. В контексте сказанного, самым сложным и противоречивым является вопрос о трактовке и оценке исторического пути, пройденного народами России и Беларуси в 1917–1991 гг. В этом деле решающее слово принадлежит не только белорусской, но и российской историографии. Какими же идеями наполнены сочинения представителей «новой» исторической науки России? Каково их научное *credo*? Для того чтобы вникнуть в суть поставленных вопросов, проследим концептуальные подходы адептов либерализма к анализу исторических фактов, событий и явлений, присущих, например, послевоенной истории советского крестьянства.

В одной из статей В.П. Попов пишет: «Государство, созданное Сталиным, существовало для самого себя; оно намеренно и жестко отделило себя от народа и в своей политике руководствовалось исключительно собственными интересами» [1, с. 49]. В другой статье он утверждает, что в СССР в резуль-

тате коллективизации «большая часть населения страны – крестьянство – была превращена в абсолютно зависимое от новой власти крепостное сословие – колхозников» [2, с. 64]. Для того чтобы разобраться с «государственным крепостничеством», «крепостными колхозниками», дать оценку личному бесправию деревенских жителей, необходимо проанализировать фактический материал, количественные показатели. В 1950 г. после укрупнения в Советской Беларуси насчитывалось 7624 колхоза, в которых было занято 1 789 568 крестьян [3, с. 134–139]. На какой же заработок могли рассчитывать добросовестные колхозники? В 1948 г. было принято правительственное постановление «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах», в котором были утверждены примерные нормы выработки и единые расценки за выполненную работу (в трудоднях). После войны каждый трудоспособный колхозник в БССР был обязан выработать обязательный минимум – 120 трудодней в год, а тех крестьян, которые не выполняли этот минимум, правления могли оштрафовать трудоднями, исключить из артели, предать суду, а власти могли выслать в Сибирь, Казахстан, другие отдаленные районы СССР [3, с. 134–139].

Одной из главных причин ненадлежащего отношения к труду была заработная плата колхозников. Рассмотрим показатели оплаты их труда в годы четвертой пятилетки. В 1947 г. в БССР колхозов, которые вообще не выдавали на трудодни денег, было 5030 (50,7% от общего количества). Колхозов, которые выдавали на 1 трудодень до 20 коп., было 2289 (23,1%), колхозов, которые выдавали на 1 трудодень более 1 руб., было 235 (2,4%), в 1950 г. – соответственно 2889 (37,9%), 1667 (21,8%), 536 (7,0%). Почему же колхозы не имели денежных средств для расчета с членами артели? После войны закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию оставались на уровне 1928 г., в то время как цены на промышленную продукцию выросли в 20,0 раз. Это было *следствие, результат антикрестьянской политики, которую проводило советское государство* [3, с. 134–139].

Для того чтобы разобраться с «государственным крепостничеством», необходимо рассмотреть вопрос о крестьянском «прикреплении к колхозу». Заметим, культивация идеи закрепощения крестьянства не нова. Немецкие оккупанты в пропагандистских обращениях к белорусскому народу писали: «Белорусы и белоруски! ... Крепостничество и нищету дал Вам Сталин!... Вы освобождены от большевистского рабства немецким вермахтом» [4, с. 33, 50]. Если ответственным историкам и политологам не повторять агитки нацистской пропаганды, а следовать выверенным научным определениям, то «колхозное крепостничество» – *отражение классовых противоречий в форме ущемления властью рабочих конституционных прав и свобод членов колхозного двора*. Для примера возьмем право на труд. Конституция СССР от 5 декабря 1936 г. провозгласила: граждане СССР имеют право на труд, то есть право на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством.

Как же обстояло дело в реальности крестьянского бытия? Ведь эта декларация означала, что советские граждане имели право свободного выбора места работы. В городах так оно и было. Но *члены колхозного двора в реализации этого права были ущемлены*. По достижении совершеннолетия они не проходили паспортизацию и не могли свободно распоряжаться своей рабочей силой (до 1974 г.). Это также была одна из правовых мер советской власти по эксплуатации труда крестьянства, но не более того. Обратимся к фактам. Постепенный перевод труда крестьянства на индустриальную основу создавал объективные предпосылки для сокращения потребности колхозов в рабочей силе и способствовал миграции трудовых ресурсов. За 1950–1971 гг. из белорусской деревни вышло более 2638 тыс. жителей. Факты неоспоримы: в реальной жизни отсутствие паспортов не приводило сельскую молодежь к колхозному «закрепощению». Еще одним веским аргументом, опровергающим идею «колхозного крепостничества», является изменение социального статуса колхозников. За период с 1950 по 1970 г. в Советской Беларуси количество колхозников сократилось на 761 568 человек (42,9%). За этот же период количество совхозов и рабочих рук, занятых в них, значительно возросло. Так, если

в 1949 г. в БССР было 122 совхоза, то в 1965 г. – 630. Следовательно, отсутствие паспортов не являлось препятствием для членов колхозного двора в их желании сменить свой социальный статус, этот фактор не был непреодолимым препятствием для миграции сельчан, особенно молодежи.

Вместе с тем *политика правового неравноправия рабочих и крестьян, вызывала недовольство, порождала крестьянский протест*. Рассмотрим этот вопрос на примере решений, принимавшихся институтом колхозных собраний. В апрельском 1948 г. правительственным постановлением правления колхозов было предписано пересмотреть и утвердить новые нормы выработки и единые расценки оплаты труда крестьян в трудоднях [3, с. 134–139]. Несогласие крестьянства с правительственной политикой проявилось именно в вопросе о нормах и расценках. Например, нормы выработки и расценки, принятые в колхозе «Красный Октябрь» Мозырьского района Полесской области в сентябре 1948 г., иных колхозах республики значительно отличались от норм, рекомендованных правительством [См.: более подробно: 3, с. 137]. Безусловно, этот факт дает возможность вести речь о *крестьянском сопротивлении аграрной политике советского государства*. Власти стремились «впрямь» крестьянство в жесткие рамки рабочего времени, но не смогли. Проверка колхозов в Пинской области установила: на работу колхозники выходили в 10–11 часов утра и заканчивали работу в 4–5 часов дня, во многих колхозах бригады, звенья, фермы не принимали никаких производственных заданий. Приведенные факты дают возможность поставить вопрос: *мыслимо ли, чтобы «абсолютно бесправное крепостное сословие», пользуясь институтом общих собраний, с определенным успехом боролось за свои права, отстаивало свои интересы?*

Бесспорно, сопротивление крестьянства в форме не выхода на работу и не выработки минимума трудодней в Советской Беларуси являлось реальностью повседневного крестьянского бытия. Да, за не выработку обязательного минимума трудодней колхозников исключали из артели, осуждали на принудительные работы, приговаривали к тюремному заключению, ссылали в отдаленные районы СССР, но их не могли «приговорить» вернуться в артель. Даже после тюремного срока они становились бывшими осужденными, но *свободными гражданами*. Какое же это «крепостничество»? Одним из аргументов российских историков в пользу концепта «закрепощения» является проблема «принудительного откупа» или «законодательно закрепленных – отработочной, натуральной и денежной повинностей» [5, с. 83]. Эту проблему также необходимо рассматривать в контексте *ущемления прав колхозного крестьянства*. Она не может и не должна рассматриваться как форма внеэкономического закабаления крестьянства отработочной повинностью или «принудительным откупом». Являлась ли до 1958 г. обязательная продажа колхозным двором государству определенного количества мяса и молока «натуральной повинностью»? Ответ однозначен – нет, не являлась. Бесспорно, принуждение власти к продаже собственником своей продукции – нарушение права обладания, пользования и распоряжения собственностью. Вместе с тем обязанность уплачивать налоги – *доказательство личной свободы колхозников*, ибо податей крепостные в России не платили. Этот же вывод относится и к обязанности крестьянства уплачивать земельный налог, страховые взносы, иные платежи.

На наш взгляд, концептуальные тезисы, которыми пользуются адепты либерализма, – политические идеологемы, ибо никакого «крепостного сословия – крестьянства» в СССР не было, никаких повинностей они не несли. Со своей стороны, основываясь на выводах, изложенных в статье, предлагаем **тезисные положения научной концепции истории советского, в том числе белорусского советского государства:**

1. Аграрная политика советского государства, с одной стороны, вызывала недовольство крестьянства, порождала его протест, но с другой – являлась отражением коренного противоречия, существующего советской системе жизнеустройства, противоречия между интересами рабочих и интересами крестьян. На его базе в СССР нарастали иные социальные противоречия: между крестьянством и правящей элитой советского государства, между колхозным крестьянством и местной административной элитой и др.

2. В основе социальных противоречий лежал социальный-ущемляющий антагонизм: рабочий класс владел властью,

но не имел собственности, крестьянство не имело власти, но владело собственностью. Принятие властью рабочих законодательных актов, ущемлявших права и свободы трудящегося крестьянства, обусловило развитие латентных форм классового противостояния, созревание недовольства, формирование социальной базы политической оппозиции.

3. Классовые противоречия подрывали советскую государственность, обусловили возникновение и нарастание общего кризиса сложившейся системы. Формой проявления классовых антагонизмов явилось социальное неравноправие.

4. Аграрная политика правившей партии, попытка советского государства решить крестьянский вопрос – зримое проявление (отражение) сущности социальных противоречий. Советская власть многие социально-экономические проблемы пыталась решить за счет крестьянства.

5. Разрешение коренных социальных противоречий, присущих советской системе жизнеустройства, протекало эволюционно, без социальных потрясений. По мере удовлетворения интересов рабочего класса, решения важнейших задач строительства нового общества, власть рабочих предпринимала меры по защите интересов, прав и свобод крестьянства, снижению степени его эксплуатации.

6. Социальное неравноправие, ущемление прав и свобод колхозного крестьянства не являлось и не могло быть в силу природы советской власти «государственным крепостничеством», «закабалением крестьянства». В СССР не существовало «крепостного сословия – колхозники», никаких «государственных повинностей» колхозное крестьянство не несло. Советское крестьянство – эксплуатируемая, неравноправная, но социальная группа (класс) свободных советских граждан.

В свете изложенных концептуальных положений остается открытой главная, ключевая проблема истории советского государства – характеристика общества, его состояния, этапов и итогов эволюции. Работа над этой проблемой продолжается.

Список использованной литературы

1. Попов, В. П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы / В. П. Попов // Отечественная история. – 2000. – № 2. – С. 49–66.
2. Попов, В. П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы / В. П. Попов // Отечественная история. – 2001. – № 3. – С. 61–76.
3. Смехович, Н. В. Белорусское крестьянство в реализации аграрной политики (1946–1952 гг.) / Н. В. Смехович // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2018. – Вып. 34. – С. 134–139.
4. Нямецкая прапаганда на Беларусі. 1941–1944. – Берлін : Выдавец Іаханес Шлоотц, 1996. – 80 с.
5. Безнин, М. А. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Отечественная история. – 1999. – № 3. – С. 81–99.